

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПАДЕЖЕЙ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию падежной категории эрзянского языка, имеющего как и многие другие языки финно-угорской семьи, обширную падежную систему, состоящую из 12 падежей. Проведенный анализ семантических значений и синтаксических функций субъектно-объектных и местных падежей позволяет глубже раскрыть содержание падежной системы эрзянского языка.

Ключевые слова: эрзянский язык, падежная система, семантическое значение, синтаксическая функция.

Abstract. This article is dedicated to the study of case category of the Erzya-Mordvin language, which has got as many other Finno-Ugric languages extensive case system and contains 12 cases. The investigation of semantic meanings and syntactic functions of the grammatical and local cases gives a possibility to discover deeply the contents of case system of the Erzya-Mordvin language.

Keywords: the Erzya-Mordvin language, the case system, semantic meaning, syntactic function.

Являясь агглютинативным, эрзянский язык в плане морфологии обладает всеми основными характеристиками данного типа языков. Среди грамматических категорий, присущих именам существительным, а именно: числа, собирательности, притяжательности, определенности-неопределенности, падежная категория является наиболее характерной в системе имени. С помощью падежа выражаются отношения между словами в словосочетаниях или предложениях.

Эрзянский язык, как и многие другие языки финно-угорской семьи, имеет обширную систему падежей, т.е. она состоит из 12 падежей: номинатив, генитив, датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив, латив, пролатив, компаратив, абессив, транслатив. Падежи эрзянского языка по выполняемым ими синтаксическим функциям принято делить на три основные группы: 1) субъектно-объектные: номинатив, генитив, датив, аблатив; 2) местные: инессив, элатив, иллатив, латив, пролатив; 3) атрибутивные: компаратив, абессив, транслатив [1].

В данной статье мы раскроем семантические значения и проанализируем синтаксические функции субъектно-объектных и местных падежей на материале имеющихся грамматик эрзянского языка, монографии финно-угроведа Р. Бартенс, посвященной исследованию структуры мордовских языков, а также других научных исследований.

Номинатив является исходной падежной формой, имеет единственное и множественное число. В мордовских, как и во всех других финно-угорских языках, номинатив единственного числа при неопределенном склонении имеет нулевую морфему, во множественном числе приобретает суффикс *-t*. В определенном склонении номинатив единственного и множественного числа имеет суффиксы *-s'* и *-t'n'e' / -tne* соответственно. Номинатив является одним из субъектно-объектных падежей, основными функциями которого в предложении являются функции субъекта или объекта действия.

В грамматике мордовских языков даются следующие субъектно-объектные функции имени существительного в форме номинатива: 1) субъект действия; 2) субъект состояния, нахождения; 3) носитель качества, свойства; 4) обладатель постоянного свойства; 5) объект действия; 6) лицо, к которому обращена речь [2].

Наряду с данными значениями номинатива финно-угровед Р. Бартенс в своей монографии «Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys» выделяет дополнительные функции данного падежа. При этом автором дается классификация значений отдельно по единственному и множественному числам неопределенного и определенного склонений номинатива [3].

Номинатив единственного числа неопределенного (основного) склонения служит падежом: 1) субъекта: *val'malo olgo kuc'an't' vaksso ašt'es' l'išme* – под окнами возле соломенной копны стояла лошадь; 2) объекта: *l'išme ramin'* – купил лошадь; 3) обстоятельства: *mon pel'(e) ije ušin'* – я полгода ждал; 4) предикатива: *son loman'* – (это) он человек; 5) существительного-определения: *kil'ej pango* – подберезовик (береза, гриб); 6) главного слова послеложной конструкции: *kudo vaksso* – около дома, *loman' ikel'e* – перед человеком.

Номинатив множественного числа неопределенного склонения выступает как падеж: 1) субъекта: *vir' udalo paks'ason't' c'orat vans't' alašat* – за лесом в поле мужчины пасли лошадей; 2) объекта: *son ants' sarast* – он кормил кур, *s'imd'i l'išmet'* – он поит лошадей.

Номинатив определенного склонения выполняет функцию субъекта, например: *Učit'el'es' makss' t'enze pr'evt' poladoms tonavtn'emanzo Kazan'se* – учитель дал ему совет закончить свою учебу в Казани.

Р. Бартенс параллельно с данной функцией выделяет номинатив определенного склонения в качестве предикатива (составного именного сказуемого) предложения, сравните: *T'e šabran' s'ejas'* – это соседская коза.

Номинатив в мордовских языках может использоваться и как падеж прямого дополнения. В том случае, когда речь идет об объекте неопределенном, неизвестном, впервые упоминаемом, имя существительное, выражающее данный объект, принимает номинативную форму, т.е. не маркируется суффиксом.

Большинство ученых считают, что функция выражения объекта действия присуща аккузативу. Например, Д. В. Бубрих полагает, что именительный падеж для выражения прямого дополнения употребляется в том случае, если объект является неопределенным. При этом данную функцию он считает свойственной винительному падежу [4].

Известно мнение и другого ученого-лингвиста относительно объекта действия. Так, Б. А. Серебренников, описывая способы выражения значений винительного падежа (аккузатива) в мордовских языках, отмечает следующее: «в тех случаях, когда объект действия выступает как неопределенный, винительный падеж совпадает по форме с именительным», например: *Od kudo t'ein'* – я построил новый дом [5].

По мнению Р. Бартенс, при выражении объекта действия в мордовских языках имеется различие в использовании неопределенного и определенного склонений. Так, при обозначении неопределенного объекта используется номинатив неопределенного склонения, поэтому имя существительное либо имеет нулевую морфему *-∅*, либо суффикс *-t*, если слово стоит во множест-

венном числе, например: *ramin' l'išme* – купил лошадь, *ramin' od l'išmet'* – купил новых лошадей [3].

Наряду с рассмотренными функциями номинатива, такими как субъект, объект и предикатив предложения, данный падеж может использоваться в конструкциях с именами существительными, т.е. выступать как падеж слова-определения в словосочетаниях. В конструкциях такого типа используется номинатив единственного числа неопределенного склонения [3]. В грамматике мордовских языков данная падежная форма описывается как абсолютная или внепадежная форма, имеющая некоторые грамматические особенности: 1) всегда выступает перед другим именем существительным, образуя с ним особого рода синтаксическую конструкцию, перестановка компонентов которой невозможна; 2) нейтральна по отношению к категориям числа, падежа, определенности-неопределенности [2]. В той же грамматике приводятся 10 различных значений абсолютной формы, например такие, как: 1) обладатель в притяжательных конструкциях; 2) материал; 3) количество, мера, объем и т.д. [2, с. 179–181].

Так, приведенные примеры с использованием имен существительных в форме номинатива показывают, что основными функциями данного падежа являются: **назывная** – называние субъекта, объекта, **определятельная** – член словосочетания, сложного слова и послеложной конструкции, **предикативная** – именное сказуемое.

Генитив в эрзянском языке наряду с номинативом, дативом и аблативом является одним из субъектно-объектных падежей. Форма генитива в эрзянском языке изменяется по категориям числа и определенности-неопределенности. В неопределенном склонении генитив как единственного, так и множественного числа имеет суффикс *-n'*. В определенном склонении формы генитива различаются по числам: генитив в единственном числе имеет суффикс *-n'-t'*, во множественном – *-t'n'e-n'/-tne-n'*. Значения, передаваемые генитивом в литературном, нормированном языке, довольно многообразны. Так, в грамматике мордовских языков выделяются восемь основных значений генитива: 1) лицо, обладающее чем-либо; 2) обладатель, относящийся к обладаемому как целое к части; 3) объект, на который направлено действие; 4) предмет, который обладает каким-либо признаком, свойством; 5) субъект действия; 6) лицо, находящееся в каком-либо состоянии; 7) лицо или предмет и его отношение к другому предмету или лицу; 8) разделение или деление (распределительное значение) [2].

Наряду с классификацией, данной мордовскими лингвистами в отмеченной грамматике, Р. Бартенс дает дополнительную классификацию значений и функций генитива. Предложенная ею классификация основана на разделении значений и функций генитива неопределенного склонения и генитива определенного склонения [3]. Так, с ее точки зрения, генитив неопределенного склонения в предложении выражает следующие значения: 1) обладатель, выполняющий роль определения: *Varmas' kandi t'ikšen' di vas'en' s'es'an' čin'e* – ветер приносит запах травы и первых цветов; 2) обладатель в хабео-конструкциях: *Erz'an' ul'nes' ajgorozo* – у эрзянина был жеребец, *avan' žo mond'ed'en' baška, ul'n'es't' ješčo n'il'e ejkakšonzo* – у матери же, кроме меня, было еще четверо детей; 3) обладатель, выполняющий роль предикатива: *Tan'kan' t'e tarkas'* – это место Танькино; 4) вид, признак чего-либо, выполняющий роль предикатива: *Maksim min'ek rodon'-pl'eman'* – Максим

нашего рода-племени; 5) главное слово в послеложных конструкциях: *Pil'gen' alo lovos' čikordi* – под моими ногами снег хрустит; 6) объект действия, только в отдельных случаях, например в конструкциях с инфинитивными формами: *tus' pen'gen' ker'amo* – ушел дрова рубить, *valon' jovtamo mik ez' ken'er'e* – не успел даже слово сказать.

В эрзянском языке именной компонент в послеложных конструкциях в большинстве случаев имеет форму генитива неопределенного или определенного склонения, а также генитива с посессивным суффиксом. Реже управляемое слово может принимать форму номинатива (нулевую форму). Некоторые послелогии требуют аблативного управления [2].

Основное отличие в использовании генитива и номинатива зависит, прежде всего, от определенности или неопределенности управляемого слова. При этом если имя является определенным, то оно стоит в форме генитива определенного склонения [3]. Суффикс генитива неопределенного склонения *-n'* также используется, например, с именами собственными, терминами родства или же с некоторыми послелогиями, требующими форму генитива неопределенного склонения.

При описании номинативных форм неопределенного объекта отмечалось, что функция выражения прямого объекта действия присуща винительному падежу (аккузативу). Данное утверждение применимо также и к выражению определенного объекта предложения.

Так, Д. В. Бубрих, описывая прямое дополнение, высказывается об использовании родительного падежа прямого дополнения, если речь идет об определенном предмете. При этом он связывает данную функцию с функцией винительного падежа [4].

Также, по мнению Б. А. Серебренникова, в тех случаях, когда объект действия является определенным, винительный падеж совпадает с формой родительного падежа (генитива), например: *Numolon't' l'el'am kundiz'e* – зайца этого мой старший брат поймал [5].

В свою очередь, Р. Бартенс, исследуя объект в мордовских языках, утверждает, что падежом прямого определенного объекта действия является генитив-аккузатив определенного склонения: *ved'en't' kandija* – принес воду [3].

Кроме вышеперечисленных, Р. Бартенс выделяет также дополнительные функции генитива неопределенного склонения, при которых имя существительное в предложении выступает в роли обстоятельства. Среди них: 1) наречие образа действия: *pil'en'* – ушами, *s'el'men'* – глазами; (фолькл.) *aras'el' pil'en' sonzo marize* – не было никого, кто бы его ушами слышал, *aras'el' s'el'men' sonzo n'eize* – не было никого, кто бы его глазами видел; 2) наречие, образованное способом редупликации (повторение слова): *gruppan'-gruppan'* – группами, *škan'-škan'* – время от времени, *tarkan'-tarkan'* – местами.

У генитива определенного склонения автор отмечает несколько значений параллельно с функциями и при этом использует термин «генитив-аккузатив определенного склонения». Большинство значений и функций генитива определенного склонения таковы же, как и у генитива неопределенного склонения. Например: 1) обладатель, выполняющий роль определения: *kudon't' pr'azo* – крыша дома; 2) обладатель в составе хабео-конструкции: *t'ejt'er'en't' ul'n'es' paro pulozo* – у девушки была хорошая коса.

Наряду с этим, на наш взгляд, генитив определенного склонения в эрзянском языке дополнительно широко используется в качестве управляемого слова в послеложных конструкциях.

Основная и более распространенная функция генитива определенного склонения присуща аккумулятиву, т.е. это функция выражения определенного объекта действия: *Те лиименть тетям рамизе* – эту лошадь мой отец купил.

Таким образом, из отмеченных нами классификаций можно выделить основные и наиболее распространенные функции генитива: **объектную** – объект действия, член хабео-конструкции; **определятельную** – член словосочетания, послеложной конструкции; **предикативную** – именное сказуемое.

Датив в эрзянском языке относится к субъектно-объектным падежам [1]. Датив изменяется по категориям числа и определенности-неопределенности. В неопределенном склонении формы единственного и множественного числа не различаются и образуются при помощи суффикса *-n'en'/-nen'*. В определенном склонении датив единственного числа имеет суффикс *-n'-t'-en'*, множественного числа – *-t'n'e-n'en'/-tne-n'en'*. В языке имя существительное в форме датива выражает различные значения и выполняет множество функций. Так, в грамматике мордовских языков выделяется пять основных значений падежа: 1) предмет или лицо, к которому направлено действие; 2) субъект действия или состояния в безличных предложениях; 3) лицо, предмет, явление, вызывающие известное состояние; 4) стремление к какому-либо объекту; 5) цель, назначение предмета [2].

Грамматика эрзянского языка, описывая главным образом значения датива, также выделяет пять основных пунктов. Однако не все эти значения совпадают с вышеизложенными. Многие из представленных значений в грамматике мордовских языков 1980 г. объединены в грамматике эрзянского языка в одну функцию датива – функцию «объекта, на который направлено обращение, действие». Вместе с тем в этой грамматике дополнительно к уже описанным выделяются следующие значения падежа: 1) время завершения действия; 2) место действия; 3) объект-адресат [1].

Наряду с классификациями, предлагаемыми мордовскими лингвистами, приведем классификацию, составленную Р. Бартенс, в которой параллельно со значениями описываются и функции падежа: 1) дательное значение: а) в функции обстоятельства: *s'or'madan s'orma sazornen'* – пишу письмо сестре, б) в функции определения: *sazornen' s'ormas'* – письмо сестре; 2) направительное значение в функции обстоятельства, отвечает на вопрос «к кому?»: *mol's' orožijan'e* – ушел к гадалке, *ajdo n'ej avan'en'* – пойдем сейчас к матери; 3) функция агента (действующего лица), в таких предложениях сказуемое имеет модальный оттенок, а подлежащее является лицом, испытывающим на себе действие. Используется в конструкциях: а) с инфинитивом, где сказуемым выступают или модальные глаголы *er'avi* (нужно, необходимо), *savi* (придется), а также заимствованные из русского языка *možna* (можно), *n'el'z'a* (нельзя): *sazornen' er'avi mol'ems* – сестре нужно идти; или прилагательные: *er'amskak šoždin'e ul'evel' tink marto paro mird'en'en'* – хорошему мужу и жить легко было бы с вами; б) с инфинитивом-причастием: *sazornen' mol'emal'* – сестре нужно было уходить; в) с глаголами, имеющими суффикс *-v-*: *Nastan'en' ez't' sodavo kavto c'orat'n'e* – Настя не узнала двух мужчин [3].

В отличие от предыдущих последняя классификация, предложенная Р. Бартенс, представляет довольно подробное описание субъектной функции датива. Что касается классификаций, составленных мордовскими лингвистами, то в них данная функция падежа представлена либо частично (в безличных предложениях) [2], либо не представлена совсем [1]. Р. Бартенс отдельно от основных значений, выражаемых формами датива в неопределенном склонении, отмечает также некоторые особенности при использовании датива определенного склонения. По ее мнению, датив определенного склонения несет на себе функции двух направительных падежей: иллатива и латива, т.к. последние оба не имеют форм в определенном склонении.

А. Алхониemi, исследуя датив непосредственно в системе местных падежей эрзянского языка, считает, что датив в определенном склонении в единственном числе обладает функциями неопределенного иллатива, латива и датива [6].

Одним из многих значений, которыми обладает датив эрзянского языка, является непосредственно дательное значение. Оно проявляется в тех случаях, когда имя существительное в форме датива в предложении обозначает адресата; предмет или лицо, к которому направлено обращение, действие; цель, назначение предмета и отвечает на вопросы «кому?», «чему?». В таких значениях датив в большинстве случаев несет на себе функцию непрямого (косвенного) объекта действия и имеет формы как неопределенного (*-n'en' /-nen'*), так и определенного склонений (*-n'-t'-en'*, *-t'n'e-n'en' /-tne-n'en'*).

Инессив (внутренне-местный падеж) эрзянского языка является одним из местных падежей [1]. Форма инессива изменяется по категориям определенности-неопределенности и числа. В неопределенном склонении как в единственном, так и во множественном числе инессив имеет одну форму, образующуюся при помощи суффикса *-so/-se*. Формы определенного склонения различаются по числам, в единственном числе падеж имеет суффикс *-so-n't' /-se-n't'*, во множественном – *-t'n'e-se /-tne-se*.

В нормированном языке инессив обладает многочисленными значениями и выполняет различные функции в предложении. Так, основываясь на классификации, представленной в грамматике мордовских языков, имя существительное в инессиве выражает такие значения, как: 1) место, в границах и пределах которого кто-либо, что-либо находится, пребывает, что-либо совершается, происходит, имеется; 2) средство, орудие действия; 3) предмет, лицо, которые чем-либо покрыты, одеты, наполнены, насыщены; 4) способ совершения действия или проявления признака; 5) содержание предмета; 6) состояние (физическое, психическое); 7) признак предмета; 8) предмет игры; 9) характер болезни [2].

По другой классификации, данной в грамматике эрзянского языка, большая часть значений инессива совпадает с вышеизложенными, например обозначение места, способа действия; признака предмета по месту, величине; средства передвижения, совершения действия. Кроме этого, в грамматике эрзянского языка дополнительно отмечается такое значение инессива, как признак предмета по времени.

Из приведенных классификаций следует, что в предложении основной функцией инессива является функция обстоятельства места, способа действия, времени, средства, инструмента. Наряду с отмеченными классификациями мордовских языковедов Р. Бартенс параллельно со значениями выделяет

также функции инессива. Так, по мнению Р. Бартенс, инессив является падежом, выражающим: 1) место нахождения: а) в функции обстоятельства: *sin' vas'n'a er'as't' Moskovso* – они раньше жили в Москве, б) в функции локативного предикатива: *bojar avas' kudoso* – боярыня дома; 2) средство, инструмент в функции обстоятельства: *kavto sokaso sokaz'* – двумя плугами вспахано; 3) способ, манеру в функции обстоятельства: *jutas' pokš eskel'ksse* – прошел большими шагами; 4) объект действия (в редких случаях): *vejke loman'se s'is'em lomat't' a učit'* – одного человека семеро не ждут; 5) атрибут: *kolmo ijese c'orazo* – его трехлетний мальчик [3].

Наряду с обозначением места действия инессив в предложении может выполнять функцию обстоятельства также и в том случае, когда используется для выражения орудия или средства совершения действия. Как отмечают в грамматиках мордовских языков [2], а также по мнению Р. Бартенс, инессив в данном значении чаще всего выступает в неопределенном склонении. В некоторых случаях инессив может использоваться с суффиксами притяжательности.

Параллельно значениям инессива неопределенного склонения Р. Бартенс выделяет также некоторые особенности использования форм данного местного падежа в определенном склонении. Так, по ее мнению, инессивный объект действия чаще всего является определенным и поэтому выражается при помощи инессива определенного склонения. Примеры, данные в вышеприведенных классификациях, показывают, что инессив определенного склонения является падежом, обозначающим также и место совершения действия.

В эрзянском языке элатив (исходный падеж) относится к местным падежам [1]. Элатив имеет суффиксы *-sto/-ste*. С помощью этих суффиксов образуются формы имен существительных в неопределенном склонении как в единственном, так и во множественном числе. В определенном склонении элатив имеет следующие суффиксы: в единственном числе – *-sto-n't'/-ste-n't'*, во множественном числе – *-t'n'e-stel-tne-ste*.

В литературном, нормированном языке элатив имеет различные значения и при этом может выполнять несколько функций в предложении. Остановимся подробнее на значениях и функциях элатива. Согласно грамматике мордовских языков имя существительное в элативной форме выражает следующие значения: 1) место, откуда, из которого, с поверхности которого уходит, удаляется, отправляется что-либо; берут, получают, находят что-либо; откуда началось, исходит действие, движение; 2) предмет, изнутри которого направлено действие другого предмета; 3) предмет, служащий началом движения в пространстве; 4) объект отстранения, отчуждения; 5) признак по месту, материалу; 6) время, с момента которого что-либо начинается, в течение которого действие совершается, продолжается, истекает [2].

В новой грамматике эрзянского языка наряду с вышеприведенными указывается еще одно значение элатива. Формулируется оно как «средство, орудие совершения действия» [1].

В представленных классификациях описываются лишь значения падежа и не исследуются его функции в предложении. Р. Бартенс же при исследовании элатива параллельно значениям отмечает также и функции падежа. Элатив обозначает: 1) место отправления, удаления: а) в функции обстоятельства: *l'is's' kas'kasto* – вышел из подпола, б) в функции предикатива: *mon Moskustan* – я из Москвы (прибыл); 2) материал, из которого что-либо дела-

ется, в функции обстоятельства: *valoms s'ijasto* – отлить из серебра; 3) происхождение в функции предикатива: *son is't'amo a-pokš vel'este* – он из такой небольшой деревни; 4) время в функции обстоятельства: *er'va čiste školado mejl'e tonavt'n'esin'z'e urokonzo* – каждый день после школы он делал свои уроки [3].

А. Алхониemi указывает также на некоторые отличительные особенности данного падежа в категории определенности-неопределенности. Элатив неопределенного склонения типичен для выражения таких значений, как материал, происхождение, время. Элатив с морфемой определенности может использоваться в остальных случаях, а также в послеложных конструкциях с послелогом *ez'*, маркируя послелог, например: *sin' mejl'e karmas't' s'imeme vinan't' ejste* – они потом начали пить вино [6].

Иллатив эрзянского языка относится к группе местных падежей [1]. Форма иллатива изменяется по категориям определенности-неопределенности и числа. В неопределенном склонении иллатив оформляется при помощи суффикса *-s*. Иллатив единственного числа определенного склонения совпадает с формой датива определенного склонения и образуется посредством суффикса *-n'-t'-en'*, а во множественном числе при помощи суффикса *-t'n'e-s/-tne-s*.

Являясь одним из местных падежей, иллатив в нормированном эрзянском языке в большинстве случаев выражает значение места действия. Наряду с этим иллатив обладает и другими значениями, не связанными с его основным – место направления. Основываясь на классификациях, составленных разными учеными и представленных в разных грамматиках мордовских языков, опишем подробно значения иллатива.

Так, имя существительное в иллативе может выражать: 1) предмет, вовнутрь или на поверхность которого направлено движение другого предмета; 2) цель, причину действия; 3) предел во времени; 4) предел действия; 5) предмет, в соприкосновении с которым находится кто-либо или что-либо [2].

В классификации, представленной в новой грамматике эрзянского языка, помимо уже описанных выше значений иллатива выделяется еще одно. Формулируется оно как «предмет, которому необходимо привыкнуть» [1, с. 86]. Иными словами, иллатив обозначает предмет, служащий объектом совершаемого действия.

Р. Бартенс, описывая значения иллатива и его функции в предложении, выделяет только два момента, такие как: 1) обозначение места направления в функции обстоятельства: *mol'an es'in' kudos* – иду в свой дом; 2) обозначение цели, причины в функции обстоятельства с глаголами движения: *pangs mol'ems* – ходить по грибы.

Наряду с этим Р. Бартенс отмечает также, что в определенном склонении функции иллатива несет на себе датив определенного склонения, т.к. оба падежа совпадают по форме в определенном склонении.

Латив (направительный падеж) в эрзянском языке принадлежит к ряду местных падежей. Суффиксом латива является морфема *-v*. Латив не изменяется по категориям определенности-неопределенности и числа, следствием чего является отсутствие у него других суффиксальных морфем.

Латив в отличие от других местных падежей не обладает большим количеством значений. Имена существительные, маркированные лативным суффиксом, в большинстве случаев обозначают предметы, имеющие про-

странственное измерение и вмещающие в себя другие предметы. Основные значения латива следующие: 1) место, куда направлено действие; 2) направление действия с целевым значением [2].

Р. Бартенс, описывая латив, выделяет у него одно значение – значение направления, при котором латив выполняет функцию обстоятельства: *pras' mastorov* – упал на землю.

Наряду с этим Р. Бартенс также отмечает отсутствие у латива формы в определенном склонении. Данный факт объясняется тем, что латив является грамматической категорией не только имен существительных, но связан также и с наречиями.

Значения латива во многом сходны с основными значениями иллатива. Многие языковеды относят лативный падеж к разновидностям иллатива, объясняя это деятельностью латива с очень ограниченной группой слов. А. Алхониеми, исследуя местные падежи, также отмечает сходство между лативом и иллативом. Так, ни латив, ни иллатив не имеют формы в единственном числе определенного склонения, и поэтому их функции передаются через суффикс датива определенного склонения *-n'-t'-en'*. Однако при этом важно отметить, что чаще всего латив обозначает то, куда направлено движение, а иллатив то, где оно заканчивается [6, с. 34], например: *mol's' s'e kudin'en't'en'*, *sovas' kudon't'en'* – пошел к этому дому, зашел внутрь дома.

Пролатив (переместительный падеж) эрзянского языка является одним из пяти местных падежей. Форма пролатива в эрзянском языке образуется при помощи суффиксов *-va*, *-ga*, *-ka*, которые используются в зависимости от основы слова. Пролатив изменяется по категории определенности-неопределенности, имея в определенном склонении суффиксы *-va-n't'*, *-ga-n't'*, *-ka-n't'*; а также по категории числа в определенном склонении, образуясь при помощи суффикса *-t'n'e-va/-tne-va* множественного числа [1].

Имя существительное в форме пролатива выражает разные значения. В грамматике мордовских языков выделяют семь значений пролатива, а именно: 1) место, в пределах или на внешней поверхности которого что-либо распространяется, находится, кто-либо проходит, перемещается; 2) место, в пределах которого распространяется, размещается что-либо; 3) место, через или сквозь которое что-либо или кто-либо перемещается, передвигается; 4) предел, мера, предмет, указывающий на уровень чего-либо; 5) предмет, который служит признаком выделения или отличия другого предмета от всех прочих, подобных ему; 6) время совершения действия; 7) место расчленения предмета [2].

Большинство описанных значений пролатива связано с выражением места совершения действия. В новой грамматике эрзянского языка выделяют три основных значения падежа, объединив те из них, которые связаны с выражением места, в одно.

Р. Бартенс наряду с определением значений пролатива рассматривает данный падеж и с точки зрения его функций в предложении. Бартенс описывает пролатив как падеж, выражающий: 1) место, сквозь или через которое что-либо, кто-либо перемещается, в функции обстоятельства: *S'oma jaki ki-jakska* – Сема ходит по полу; 2) место нахождения, пребывания: а) в функции обстоятельства (в отличие от инессива обозначает менее четкое место): *er'it' vel'eva* – они живут в деревнях, б) в функции предикатива: *ken'er'evat ožanzo*, *surpir'avat nulanzo*, *kol'inkava pal'azo*, *kočkar'avat nulanzo* – по ло-

коть его рукава, до пальцев его тряпье, до колен его рубашка, до пят его тряпье; 3) время в функции обстоятельства: *t'e porava* – к этому времени.

Использование пролатива в определенном склонении не имеет особенностей, отличающих его от значений в неопределенном склонении.

Как показывает проведенное исследование, не все значения падежей, а тем более их синтаксические функции в полном объеме представлены в имеющихся грамматиках эрзянского языка. Сравнительный анализ позволил выделить наибольшее количество значений субъектно-объектных и местных падежей эрзянского языка, а также раскрыть их синтаксические функции.

Список литературы

1. Эрзянь кель. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина и др. – Саранск : Красный Октябрь, 2000. – 280 с.
2. Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордовск. ун-та, 1980. – 432 с.
3. **Bartens, R.** Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. SUS 232 / R. Bartens. – Helsinki, 1999. – 184 s.
4. **Бубрих, Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордовское книжное изд-во, 1953. – 264 с.
5. **Серебренников, Б. А.** Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1967. – 262 с.
6. **Alhoniemi, A.** Mordvan sijasynekretismistä / A. Alhoniemi // Sananjalka. – 1992. – № 34. – S. 33–45.

Мосина Наталья Михайловна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра финно-угорского
и сравнительного языкознания,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева

Mosina Natalya Mikhailovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Finno-Ugric and comparative linguistics,
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev

E-mail: natamish@rambler.ru

УДК 811.511.152.1'366.54'371'367.6

Мосина, Н. М.

Семантические и синтаксические функции морфологических падежей в эрзянском языке / Н. М. Мосина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 65–74.